

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ И КОНЦЕПТЫ

УДК 811.161.1'1

Л.Г. Гынгазова

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ
В ДИСКУРСЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

Рассматриваются когнитивные метафоры, функционирующие в дискурсе конкретного носителя традиционной культуры. На основе анализа взаимодействия сфер метафорического переноса делается вывод о центральной позиции человека в осмыслении пространственно-временного континуума. Обосновывается тезис о мифологичности мировосприятия языковой личности, о высокой степени его «телесности», преобладании конкретного над абстрактным. Выявляются наиболее разработанные сферы образного представления мира.

Ключевые слова: языковая личность, картина мира, миромоделирование, метафора.

Взгляд на метафору как на когнитивный феномен, связанный с мышлением и деятельностью, обуславливает направленность исследования метафорики в аспекте отражения картин мира в разных типах дискурсов.

Настоящая статья содержит наблюдения над дискурсивной практикой языковой личности носителя традиционной культуры Веры Прокофьевны Вершининой (1909–2004), жительницы с. Вершинино Томской области. В рамках разработки лингвоперсонологического направления исследования языка записи речи В.П. Вершининой велись томскими диалектологами на протяжении почти четверти века, они составляют корпус текстов объёмом около 10 тыс. печатных страниц, отражающих естественное коммуникативное существование языковой личности. Такой «субъектно-ориентированный» материал, фиксирующий процесс переживания индивидом непосредственной данности в координатах «я – здесь – сейчас», потенциально содержит информацию о перцептивных, когнитивных и эмоционально-оценочных составляющих речевого произведения. Тем самым применительно к вопросу метафорического миромоделирования анализ функционирующих в дискурсе метафорических единиц, выступающих в качестве репрезентантов ментальных схем восприятия и моделирования действительности, даёт возможность обозначить черты индивидуального образа мира, вбирающего в себя социокультурные представления языковой общности, членом которой данная языковая личность выступает.

Прежде всего отметим, что в речевом проявлении доля единиц вторичной номинации (собственно метафора, образная фразеология, сравнение, которое можно рассматривать как «предметафору») достаточно велика – даже без точных подсчётов очевидно, что она значительно превышает число аналогичных проявлений в речи усреднённого представителя городской культуры. Неосознанный выбор информантом образной словесной формы, проявляющийся регулярно, позволяет говорить о присущем языковой личности недискурсивном типе мышления, при котором синтетичность, целостность мыслительного процесса явно доминирует над логичностью, расчле-

нённостью и упорядоченностью иного, дискурсивного способа отражения реальности¹.

Анализ записанных текстов показывает, что в них сферами образного, метафорического представления являются человек в его физическом, эмоциональном, интеллектуальном и социальном существовании, мир живой и неорганической природы, пространство и время т. е. все сферы человеческого бытия, и они же служат источником метафоризации, формируя на самом высоком уровне абстракции модели: «мир → мир», «человек → мир», «мир → человек», «человек → человек». Очевидно, такое положение дел универсально для любого типа дискурса, специфичность может быть обнаружена при учёте количественного заполнения моделей, а также конкретных оснований метафоризации.

Метафорическая лексика как выразительное средство текстов В.П. Вершининой уже была предметом анализа в [2]. Результаты наших наблюдений не противоречат и во многих чертах совпадают с приведёнными данными.

Приоритетным направлением метафоризации, проявленной в дискурсе языковой личности, выступает модель «человек → человек». В рамках этой модели широко представлено действие человека, интерпретируемое как другое действие, при этом метафора отражает как психофизические, так и социальные аспекты существования индивида: *ныть, сжать, ткнуть* (о болевых ощущениях), *казню пережить* (о страданиях, мучениях), *в панику падать* (отчаиваться), *блудить* (неверно передавать информацию), *запутать* (вести в заблуждение), *полезть в пузырь* (начать вести себя агрессивно), *перевернуть* (изменить что-либо коренным образом), *заработать срок в тюрьме, жена мужем командует, битва из-за домов идёт, охотиться* (проявлять интерес к женщине), *затоптать* (унизить проявлением неуважения), *раскурочить* (изменить прежний ход жизни) и др.

Переосмыслению подвергаются также социальные роли: *командир* (о том, кто распоряжается другими), *арестанты* (о плохо воспитанных детях), *княгиня* (о капризной женщине), *кучер* (о шофёре), *герой* (о бравом человеке), *балерина* (о человеке, считающем себя важной персоной).

Одной из самых существенных черт реализации данной модели является предельно широкое использование лексики состава человека – соматизмов, через образное представление которых осмыслиются все сферы человеческого существования: это физические характеристики: *кровь с молоком, кожа да кости, ни глаз ни рожки*, качества, свойства характера: *долгий язык, хитра жопа, ухо с глазом* (о проворном, наблюдательном человеке), *ушки на макушке* (о подвижном, энергичном человеке); различного рода действия, в том числе речевые, волевые, интеллектуальные: *нос пихать, зубы помочить* (слегка пригубить спиртное), *с зубов кожу содирать* (отбирать последнее), *горло смазывать* (употреблять спиртное), *с языком высунуться, зубатить* (дерзко спорить, возражать), *из ноги выламывать* (настойчиво требовать), *держат в руках, ломать голову, задним умом жить* и др.

Высокая метафорическая плотность проявляется при означивании физических и эмоциональных состояний и чувств человека: *руки-ноги отпали* (о со-

¹ О понятиях образно-недискурсивного и дискурсивного мышления см. [1].

стоянии бессилия), *волосья шишом* (об удивлении), *норка 'ноздря' свистит* (о сильном желании), *по рукам и ногам ненавидеть*, *ижно кожу содирает* (о чувстве глубокой обиды), *душа вылётыват* (о чувстве большой радости) и др.

Соматические основания переноса выходят за рамки модели «человек → человек», они выступают категоризаторами времени, пространства, меры, а также распространяются на мир окружающей природы и бытовых артефактов: *зубы расчёски*, *палец сенокосилки*, *глазки картофеля*, *косы огурцов*, *слезинка вина*, *кулак капусты*, *кишка из нитей*, *графин кверху задницей*, *сковорода пупом*. Таким образом, типичность и всеохватность смысловой наполненности когнитивных моделей, базирующихся на соматических впечатлениях, позволяет говорить о высокой степени «телесности» мировосприятия языковой личности, что можно квалифицировать как особый когнитивно-культурный феномен, типологическое свойство когниции носителя традиционной культуры.

Две взаимообратимые модели «мир → человек» и «человек → мир», суть которых заключается в уподоблении, слиянии внеположенного человеческому, с одной стороны, и в продлении свойств человека на мир – с другой, восходят к мифологическому способу познания мира, при котором субъект и объект слиты. Обе модели относятся к числу архаических. Как пишет Э. Кассирер, «первобытный человек распространяет первый элементарный социальный опыт на всё мироздание. Природа и общество для него – неразрешимое целое: чётко очерченной разделительной линии между этими двумя областями просто нет. Сама природа не что иное, как огромное общество – общество жизни» [3. С. 79].

Глубинность и устойчивость обеих моделей подтверждается их высокой продуктивностью в дискурсе языковой личности, причём можно говорить о приблизительно равных долях их представленности.

В первой («мир → человек») в качестве наиболее активного источника метафорической экспансии выступает животный мир. Здесь обширный список составляют зооморфные метафоры, как правило имеющие аксиологическую направленность. В них человек в своих качествах и свойствах уподобляется *змею*, *кобре*, *стрекозе*, *хомяку*, *кабану*, *кобелю*, *муравьишке*, *саранче*, *волку*, *овечке*, *коню*, *лося*, *обезьянке*, *двухвостке*, а его действия ассоциируются с действиями животных: *бодать головой* (отрицательно качать головой), *куковать* (многократно назойливо просить о чём-либо), *заклевать* (измучить придирками, нападками), *взбеситься* (начать вести себя неразумно), *зареветь* (с раздражением закричать на кого-либо), *выть* (сильно плакать), *крякать* (издавать кряхтящие звуки при разговоре), *ощетиниться* (рассердившись, ответить грубо, резко), *выползти* (медленно, с трудом выйти), *грызть* (постоянно докучать упрёками, бранью), *вылететь* (стремительно выбежать) и др.

Несколько менее активно в качестве сферы-источника задействованы разного рода артефакты – орудия труда, предметы крестьянского быта и под.: *борона* (большая семья), *ступка* (о крепкой, здоровой женщине), *тряпичонка* (о безвольном человеке), *барахло* (о человеке, недостойном внимания), *восковое лицо* и др. К ней примыкает соотносимая количественно сфера природных объектов и явлений, элементов рельефа и под.: *звезда* (о само-

уверенном человеке), *огонь* (скандал, вражда), *вода* (выделения из носа), *ветер* (о легкомысленном человеке), *море крови, вспыхивки пьянства, затмение сознания, туман* (пелена на глазах), *бугор на позвоночнике, мочевого канал, глубокая закупорка вен, брюхо круто, остро*.

Перенос «растение → человек» представлен в дискурсе малочисленными метафорами, хотя прямые номинации растений и их частей составляют достаточную часть идиолексикона: *колючка* (о язвительной женщине), *вяленький подросток, корявенький мальчик, кость заросла, сустав хрящином зарос*. Языковая личность, как представляется, менее всего склонна усматривать черты человека в реалиях растительного мира. Однако в этой группе имеются метафоры, отражающие устойчивые представления информанта. Характерно, что осмысление смерти человека регулярно осуществляется через ассоциативные ходы, соотнесённые с растительными объектами. Например, о смерти крепкого, здорового мужчины: *Я говорю: «Ты чё?» – «Лексей умер». Ой, страшно прямо, правда, не подумаешь даже: така лесина свалилась*. Или о смерти любимого племянника: *Всё зацвело, зазеленело, а он отцвёл, не в пору не вовремя*.

В пределах следующей модели переноса «человек → мир», которая в количественном наполнении «соперничает» с моделью «мир → человек», в высшей степени отражается мифологический принцип переживания мира. Антропоморфность жизненного пространства проявляется прежде всего в персонификации элементов мифа. Действительность очеловечивается, поэтому, с точки зрения языковой личности, *луна просыпается, месяц обмываетя, мороз завернул, дождь бусит, лёд изомнёт катер, ночь глухая, лёд дряхлый, зима сердита, день разгулялся, зима подходит*. Одушевляются растения: *помидоры дураят, огурцы занежились в теплице, молодняк малину завалил, сосна засела на другой сосне, растения друг друга задушат*. Свойствами человека наделяются животные: *кот с кошкой дружит, седьм котята, медведок землю гребёт, бык кричит, овечки голёхоньки*; неорганический мир и мир артефактов: *дым глаза ест, молоко выбежало, запах выходит, дрова в печку залезли, радио икает, ткань бледная, махришки на улице зимовали, ступка у Гути живёт, стекло вспотело, болезнь холодильника*.

Последняя модель «мир → мир» представлена разнообразными, но многочисленными по заполнению типами переноса: артефакты, природные объекты уподобляются растениям, животным, другим артефактам и природным объектам и наоборот. Например: *чайник накипью зарос, рыба в холодильнике завяла, редиска деревянная, земля (фон ткани) тёмная, грибы грядками, гнездо веников, дорожка на перчатке выгорела, река кипит, жара дикая, гулянка выдохлась* и др.

Как пишет Е.В. Иванцова применительно к случаям такого типа, «человеческое сознание способно установить ассоциативные связи между предметами органического и неорганического мира, различными абстрактными и конкретными сущностями, однако они не находятся в центре его внимания» [2. С. 225].

Предпринятое описание красноречиво говорит о том, что в центр мироздания языковой личностью помещён человек в его динамических отношениях с миром; он выступает точкой отсчёта в постижении всего многообразия и сложности пространственно-временного континуума, в то время как

связи между внешнеположенными человеку сферами являются для него актуальными в меньшей степени.

Обобщая сказанное, отметим, что когнитивная природа метафорических репрезентаций в дискурсе языковой личности определяется повышенной антропоцентричностью, «телесностью» в отражении мира, доминированием чувственного опыта в его конкретике, что определяет приоритет обращения к видимому, осязаемому, знакомому в противовес абстрактному, умозрительному.

Применительно к описанию индивидуальной картины мира приведённые факты намечают только её общее очертание. Развёрнутое представление может быть получено при более детальном анализе всей метафорики идиолекта, дающей богатый материал для интерпретации миромоделирования языковой личности, её ценностных доминант, идеальной нормы и отклонений от неё. Но уже сейчас можно сказать, что зонами активной метафоризации выступают такие абстрактные категории, как пространство и время, объективируемые чувственно воспринимаемыми образами, внутренний мир человека, его эмоциональная сфера.

Характерно, что структура ключевых для языковой личности концептов определяется наличием мощного образного слоя, создаваемого средствами метафорического переноса. Так, в осмыслении самых значимых категорий человека «жизнь» и «смерть» базовой выступает метафора «жизнь – это путь», в рамках которой формируются обширные метафорические поля, охватывающие различные жизненные сферы: этическую, психическую, социальную, утилитарную. Показательно также метафорическое представление концепта «Семья». Она ассоциируется с составом человека: *голова, шея, колено, кровь (муж голова семьи, жена – шея, в третьем колене, родна кровь)*, с миром животных (*выводок*), с сельскохозяйственным орудием (*борона, боронка*). Через метафору выражены отношения между мужем и женой: *отшвырнуть, бросить, сойтись, разойтись, смотаться, трепаться, покручивать, не клеится ничто, жизнь комком, обоими руками вцепиться* (ценить, дорожить кем-либо).

Метафорический слой концепта «Труд» включает образы на основе соматизмов: *руки, спина, горб, плечо*; зооморфизмов: *сивый мерин, мураши, лось, коза, волк серый, конь/конина, хомяк, щучонка, белка*; артефактов: *машина, метла, мельница*; первостихии: *огонь*; действий человека: *ворочать, колотиться, биться, играть, как орешки пошпиolkивать*; его социальных ролей: *барелина, барин*.

Во всех случаях втягивание в единую концептуальную структуру системы образов, полученных путём ассоциативного сближения различных предметных сфер, репрезентирует способы миромоделирования языковой личности в их специфике.

Литература

1. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.
2. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002.
3. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. www.koob.ru